

СЛАТА РОМАНОВА

КРАСОТА  
МОЖЕТ БЫТЬ  
ОПАСНОЙ

# ЗЛОДЕЙКА

Злата Романова

**Злодейка в огне своих чувств**

«Автор»

2026

## **Романова З.**

Злодейка в огне своих чувств / З. Романова — «Автор», 2026

Она привыкла получать всё, чего пожелает — восхищение, власть, любого мужчину, на которого падёт её взгляд. Элиза Ваннтерре, первая красавица и сильнейшая магиня Академии Ардвейл, избалована, дерзка и не привыкла слышать «нет». Но есть один, кто отвергает её снова и снова — холодный, неприступный герцог Кассиан Дреар, чьё презрение задевает её сильнее, чем она готова признать. Чем настойчивее она добивается его внимания, тем яростнее он отталкивает её — а когда в его жизни появляется тихая, добрая Мила, для которой у него находится то тепло, что он прятал ото всех, Элиза решает уничтожить соперницу так же легко, как разрушала всё на своём пути. Но её собственная жестокость обернётся против неё самой — и однажды гордой, взбалмошной злодейке придётся заново научиться быть человеком.

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 8  |
| Глава 3                           | 12 |
| Глава 4                           | 15 |
| Глава 5                           | 17 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

# Злата Романова

## Злодейка в огне своих чувств

### Глава 1

Солнце едва пробивалось сквозь высокие витражные окна Академии Ардвейл, рассыпаясь разноцветными бликами по каменному полу тренировочного зала. Элиза Ваннтерре стояла в самом центре арены, и даже пыль, кружившаяся в воздухе после её последнего заклинания, казалось, замирала благоговейно у её ног.

— Ещё раз, — произнесла она, не глядя на профессора Гриввальда, а разглядывая собственные ногти. — В этот раз постарайтесь не отставать.

Огненная плеть взметнулась из её ладони с такой лёгкостью, будто она думала о чём-то совершенно другом — например, о том, какое платье наденет на осенний бал. Столб пламени прошёл в сантиметре от манекена, оставив на камне выжженный узор идеальной спирали.

Аплодисментов не последовало — их и не требовалось. Все и так знали: Элиза Ваннтерре была сильнейшей студенткой курса, единственной наследницей огромного состояния герцогов Ваннтерре, и, разумеется, первой красавицей Академии. Платиновые волосы, заплетённые в небрежную, но безупречную косу, обрамляли лицо с идеально очерченными скулами; глаза — ледяного голубого оттенка, контрастирующего с огненной магией, которой она владела, — смотрели на мир с привычным превосходством. Полные губы, почти красного оттенка, изгибались в усмешке чаще, чем в улыбке. Триединство силы, богатства и красоты она носила с такой естественностью, будто иначе и быть не могло.

— Превосходно, леди Ваннтерре, — выдавил профессор, промакивая лоб платком. — Пожалуй, на сегодня довольно.

— Довольно я решу сама, когда мне будет довольно, — бросила она через плечо, уже направляясь к выходу.

У дверей зала её поджидала Ровена Мэйфилд — тонкая, неприметная девушка в форме с заштопанным рукавом, единственная, кто мог находиться в присутствии Элизы без страха быть испепелённой словом или заклинанием.

— Ты опять довела Гриввальда до нервного тика, — заметила Ровена, протягивая подруге флягу с водой.

— Профессора существуют для того, чтобы их доводили. Иначе зачем они вообще нужны? — Элиза сделала глоток, поморщилась. — Это что, из колодца?

— Из кухни. Не у всех есть личный источник родниковой воды, Элиза.

— Как это, должно быть, ужасно — быть не всеми, — вздохнула Элиза с наигранным сочувствием, но в уголках губ уже пряталась улыбка, настоящая, без яда. С Ровеной она позволяла себе это — крошечные окна, через которые проглядывало что-то более человеческое, чем её обычная маска превосходства.

Они шли по коридору, и студенты расступались перед Элизой, как трава под ветром — кто-то из почтения, кто-то из страха, а кто-то, как первокурсница Лея Хартвуд, просто не успела вовремя увернуться и получила локтем в плечо.

— Смотри, куда идёшь, — процедила Элиза, даже не притормозив.

— Прости... — пролепетала Лея, вжимаясь в стену.

— Не мне это говори. Профессору Ортенс, полагаю, будет интересно узнать, кто испортил её ингредиенты для зельеварения на прошлой неделе, — Элиза приподняла бровь. — Или мне кажется, что запах пригоревшего корня валгары исходил именно от твоей парты?

Лея побледнела так сильно, что даже веснушки на её лице, казалось, потускнели.

— Это была случайность...

— Случайности имеют последствия, дорогая, — Элиза улыбнулась одними губами и двинулась дальше, оставив девушку почти в слезах.

Ровена дождалась, пока они отойдут подальше, и тихо произнесла: — Это было лишнее.

— Это было заслуженно, — Элиза пожалала плечами. — Она сама виновата, что попала под руку в плохой момент.

— У тебя все моменты плохие, если кто-то стоит слишком близко к твоей орбите.

— А это, — Элиза остановилась и с деланной серьёзностью посмотрела на подругу, — комплимент моей неотразимости или жалоба?

Ровена закатила глаза, но не сдержала смехок. Именно за это — за способность не бояться её, не подлизываться, не раболепствовать — Элиза и держала Ровену рядом с собой вот уже десять лет, с тех самых пор, как они встретились детьми на приёме в поместье Ваннтерре, и маленькая дочь простого лавочника осмелилась сказать пятилетней Элизе, что её платье «слишком много о себе думает».

Они свернули в главный холл — и Элиза замерла на середине шага, как всегда бывало, стоило ей увидеть определённую фигуру у окна.

Кассиан Дреар стоял, облокотившись на подоконник, с книгой в руках, и утренний свет очерчивал его профиль с почти оскорбительной идеальностью. Высокий — на голову выше большинства студентов, — с фигурой, в которой даже свободный покрой форменного сюртука не мог скрыть рельеф тренированных мышц, он производил впечатление ещё до того, как открывал рот. Волосы цвета вороного крыла падали на лоб небрежной, но идеально уложенной прядью, а глаза — пронзительно-голубые, холодные, как лёд, которым он владел, — казались единственной живой деталью в его подчёркнуто сдержанном облике. Черты лица были настолько правильными, что напоминали скорее статую, чем живого человека — ровно до того момента, пока на его губах не появлялась ироничная усмешка. Ледяной маг, наследник герцогства Дреар, был единственным человеком в Академии, чьё имя произносили с тем же почтением, что и имя Элизы — и, что раздражало её больше всего, единственным, кого не впечатляло абсолютно ничего из того, чем она обычно впечатляла остальных.

— О, смотри-ка, — промурлыкала она, уже направляясь к нему, — сама Снежная Статуя решила почтить нас своим присутствием вне библиотеки.

Кассиан не поднял глаз от книги.

— Ваннтерре. Не знал, что ты умеешь читать выражения лиц. Я был уверен, что ты видишь только своё отражение.

— Завидное умение, к слову, — она облокотилась на подоконник рядом с ним, слишком близко, чтобы это было случайностью. — Хотя бы у меня есть на что смотреть. Что скажешь о своём отражении? Наверное, скучаешь по нему — оно единственное, кто выдерживает твою компанию больше пяти минут.

— Удивительно, как ты нашла время подойти и оскорбить меня между тем, как сжигаешь манекены и запугиваешь первокурсниц. Насыщенное утро.

Она вскинула бровь — он видел. Конечно, он видел. Он всегда всё видел, просто предпочитал делать вид, что ему всё равно.

— Не запугиваю, а воспитываю. Кто-то же должен учить эту академию манерам, раз уж профессора с этим не справляются.

— Манерам, — Кассиан наконец закрыл книгу и посмотрел на неё — прямо, холодно, с той сдержанностью, что бесила её больше любого оскорбления. — Забавное слово в твоих устах.

— Я прекрасно воспитана, Дреар.

— Ты прекрасно избалована. Это разные вещи.

Она шагнула ближе — на волос ближе, чем позволяли приличия, — и на мгновение уловила, как что-то дрогнуло в его взгляде, прежде чем он снова спрятался за привычной ледяной невозмутимостью.

— Ты слишком много думаешь обо мне для человека, которому, по его словам, всё равно, — прошептала она почти нежно, с торжествующей улыбкой.

— Я думаю о том, как избежать головной боли. Ты, к несчастью, главный источник моих мигреней.

— Значит, я хотя бы что-то значу в твоей унылой жизни.

Он отступил на шаг — ровно настолько, чтобы восстановить дистанцию, которую она так старательно нарушала, — и его голос стал ещё холоднее:

— Меньше, чем ты думаешь, Ваннтерре.

И, не дожидаясь ответа, направился прочь по коридору.

Элиза смотрела ему вслед с тем выражением, которое появлялось у неё только в такие моменты — секундной вспышкой чего-то настоящего под маской превосходства, — прежде чем она вспомнила, что за ней наблюдают, и вновь надела привычную самоуверенную улыбку.

— Он когда-нибудь ответит тебе взаимностью на эти... как ты это называешь — «беседы»? — спросила Ровена, подходя ближе.

— Он уже отвечает, — Элиза поправила выбившуюся прядь волос с непоколебимой уверенностью. — Просто пока не готов себе в этом признаться.

Ровена ничего не сказала, но взгляд, которым она проводила удаляющуюся спину Касиана, был куда менее уверенным, чем у подруги.

Ни одна из них ещё не знала, что этим утром, среди коридоров и колких слов, в Академию Ардвейл впервые ступила девушка по имени Мила Эйвери — и что вместе с ней в их жизнь войдёт нечто, способное разрушить весь привычный порядок вещей.

## Глава 2

День осеннего бала начался с занятия по теории стихийных конфликтов — предмета, который Элиза считала откровенно скучным, поскольку весь он сводился к банальному «огонь и лёд несовместимы», а это она и без профессора Хэлворта знала лучше кого бы то ни было.

— Леди Ваннтерре, — обратился к ней профессор, — не могли бы вы всё же оторваться от своего блокнота и назвать три известных примера стихийного резонанса?

Блокнот, разумеется, был вовсе не конспектом, а списком возможных фасонов причёсок на вечер, но Элиза захлопнула его с невозмутимостью человека, который знает ответ на любой вопрос ещё до того, как он задан.

— Резонанс близнецов Аврелии, Падение маяка Норт-Хейвен и... — она сделала театральную паузу, скользнув взглядом по аудитории, где на третьем ряду сидел Кассиан, старательно избегающий на неё смотреть, — случай, когда лёд настолько боится растаять, что притворяется, будто его это вовсе не касается.

По аудитории пробежали смешки, а Кассиан, не поднимая головы от конспекта, произнёс достаточно громко, чтобы услышала половина курса:

— Третий пример — не из учебника, а из личных наблюдений леди Ваннтерре за собственным отражением.

— Моё отражение хотя бы отвечает мне взаимностью, — парировала она под новую волну смеха, и профессор Хэлворт, вздохнув, поспешил вернуться к теме занятия, явно решив, что сегодня достойного урока уже не выйдет.

После обеда была ещё пара часов зельеварения — Элиза справилась с заданием за половину отведённого времени и провела остаток, придирчиво критикуя зелье Леи Хартвуд («слишком мутное, дорогая, будто ты варила его в спешке, а не в панике, — хотя, полагаю, для тебя это одно и то же»), — а затем занятия закончились, и вся Академия погрузилась в лихорадочные приготовления к вечеру.

Комната Элизы к пяти часам напоминала поле боя: платья всех оттенков — от винного до глубокого изумрудного — были разложены по кровати, кресло было погребено под шкапулками с украшениями, а сама она сидела перед зеркалом, пока горничная колдовала над её причёской.

— Рубиновое, — наконец постановила Элиза, придирчиво оглядев себя в зеркало. — Оно подчёркивает мою кожу и убивает всех, кто посмеет надеть что-то похожее.

— Ты уверена, что не перебарщиваешь? — Ровена, уже готовая, в своём скромном платье цвета полыни, устроилась на краю единственного свободного клочка кровати. — Это ведь всего лишь бал в честь начала семестра, а не твоя коронация.

— Для меня это одно и то же, — Элиза повернулась, чтобы горничная могла застегнуть последний крючок на спине. — К тому же, определённом герцогу пора напомнить, ради кого он должен наряжаться на подобные мероприятия.

— Он наряжается ради себя, Элиза. Как и всегда.

— Значит, моя задача — сделать так, чтобы сегодня он думал не только о себе, — она в последний раз придирчиво изучила отражение, осталась довольна и повернулась к подруге с торжествующей улыбкой. — Идём. Академия не будет ослеплена сама по себе.

Большой зал Академии Ардвейл преобразился к вечеру: тысячи зачарованных свечей парили под потолком, отбрасывая тёплый золотистый свет на мраморные колонны, а воздух был напоён ароматом поздних роз и лёгкой магией иллюзий, отчего казалось, будто снег кружится в воздухе, не долетая до пола.

Элиза появилась на пороге зала так, как появлялась всегда — будто вход был выстроен специально для того, чтобы она через него прошла. Платье глубокого рубинового оттенка обле-

гало фигуру с безупречностью, на которую явно ушли часы работы личной портнихи; платиновые волосы были уложены в высокую причёску, оставлявшую шею открытой, а на губах — та самая полуулыбка, что предвещала неприятности для любого, кто встанет на пути.

— Ты специально надела красное в тон каминам, чтобы слиться с интерьером, или чтобы он тебя точно заметил? — спросила Ровена, поправляя куда более скромное платье цвета полыни.

— И то, и другое, дорогая. Хорошая стратегия работает на нескольких уровнях, — Элиза окинула зал внимательным взглядом хищника, выбирающего добычу, и почти сразу нашла его.

Кассиан стоял у дальней колонны, в тёмно-синем камзоле, подчёркивающим ширину плеч, и разговаривал с кем-то из профессоров с той же вежливой отстранённостью, с которой обычно разговаривал со всеми. Чёрные волосы, обычно небрежно уложенные, сегодня были зачёсаны назад, открывая лицо целиком — и это, призналась себе Элиза, было почти нечестно с его стороны.

— Иду добывать свой приз, — произнесла она, поправляя декольте с точностью хирурга.

— Элиза, — Ровена поймала её за запястье, понизив голос, — может, в этот раз не при всех?

— А в чём тогда смысл? — Элиза высвободила руку с лёгкой улыбкой и уже двинулась через зал, рассекая толпу, как корабль рассекает волны.

Она подошла к нему сзади и, не дожидаясь приглашения, положила ладонь на его локоть.

— Дреар. Как удачно, что ты ещё не занят. Хотя, зная тебя, свободен ты весь вечер — учитывая твоё обаяние.

Профессор, с которым он разговаривал, поспешил ретироваться, пробормотав что-то про освежающие напитки. Кассиан обернулся, и его голубые глаза на мгновение задержались на её платье, прежде чем вернуться к лицу — задержка едва заметная, но Элиза заметила её мгновенно, как заметила бы дрожь пламени на ветру.

— Вантерре. Ты решила почтить меня разговором до того, как перейти к главному пункту программы?

— А ты уже знаешь мою программу?

— Твоя программа неизменна с первого курса. Ты подойдёшь, скажешь что-то, что должно звучать остроумно, а закончится всё требованием танца.

— Как невыносимо предсказуемо с моей стороны, — она склонила голову, изучая его с наигранной обидой. — Раз ты так хорошо всё продумал за меня, может, избавишь нас обоих от лишних слов и сразу пригласишь?

— Я не собирался тебя приглашать.

— Забавно, — она протянула ему руку, не дожидаясь ответа, — потому что я уже слышу, как начинается вальс.

Музыка действительно заиграла — по совершенно случайному стечению обстоятельств, в которое никто из присутствующих, разумеется, не поверил бы, знай они, что Элиза заплатила дирижёру за то, чтобы тот сменил мелодию именно в этот момент.

Несколько долгих секунд Кассиан не двигался, глядя на протянутую руку так, будто в ней таилась ловушка — что, по сути, было чистой правдой. Весь зал, казалось, замер в ожидании: отказать ей публично было бы скандалом, а согласиться — уступкой, которую он ненавидел даже самую мысль о ней.

Он взял её руку.

Зал выдохнул почти слышимо, а Элиза внутренне торжествовала, хотя её лицо оставалось воплощением невозмутимого спокойствия — искусство, которому она училась дольше, чем боевой магии.

Они вышли на середину зала, и с первым же движением вальса стало ясно, что оба танцуют слишком хорошо для того, чтобы это выглядело просто формальностью. Его рука легла

ей на талию с уверенностью, которая противоречила его словам минуту назад; её ладонь на его плече ощущала твёрдость мышц под тканью камзола отчётливее, чем позволяли приличия думать об этом на людях.

— Ты специально держишь дистанцию до неприличия официальной, — заметила она, приподняв бровь, — или боишься, что если подпустишь меня ближе, растаешь?

— Я не таю, Ваннтерре. Я замораживаю всё, что подходит слишком близко.

— И часто это срабатывает?

— С тобой — ни разу. Что меня, признаться, удивляет больше, чем следовало бы.

Что-то в его голосе — крошечная трещина в привычной ледяной броне — заставило её сердце пропустить удар, но она тут же спрятала это за очередной колкостью:

— Может, дело не в том, что я особенная. Может, дело в том, что твой лёд просто недостаточно холоден.

Его пальцы на её талии на мгновение сжались чуть сильнее, прежде чем он произнёс, тихо, почти у самого её уха:

— Не испытывай эту теорию, Элиза. Тебе не понравится результат.

От того, как он произнёс её имя — не фамилию, а имя, впервые за весь разговор, — по коже пробежали мурашки, и на этот раз спрятать реакцию оказалось куда труднее.

— Уже угрожаешь? — прошептала она, но голос предательски дрогнул.

— Предупреждаю, — поправил он, и в его глазах, обычно непроницаемых, как замёрзшее озеро, промелькнуло что-то тёмное и голодное, прежде чем он взял себя в руки и снова отстранился — не физически, они всё ещё кружились в танце, — а внутренне, будто захлопнул дверь, которую на секунду позволил приоткрыть.

Танец закончился слишком быстро и слишком медленно одновременно. Он отпустил её руку с почти оскорбительной поспешностью, коротко склонил голову и произнёс, вновь ледяным, официальным тоном:

— Благодарю за танец, леди Ваннтерре.

Она ожидала, что он тут же развернётся и уйдёт, как делал это всегда — но на этот раз он остался стоять в паре шагов, будто сам не до конца понимал, почему не двигается с места, и лишь отступил ближе к колонне, откуда мог наблюдать за залом, не привлекая внимания.

Элиза не успела даже толком отойти от того, что только что произошло, как перед ней возник лорд Себастьян Кроу — наследник северных соляных рудников, известный не меньше своим богатством, чем легкомысленным обаянием.

— Леди Ваннтерре, — он склонился в изящном поклоне, — было бы преступлением позволить такому танцу остаться единственным сегодня вечером. Окажете мне честь?

Не успела она ответить, заиграла следующая мелодия — весёлая, стремительная, — и не успела она закончиться, как уже другой кавалер, сын посла Восточных островов, увлёк её в следующий танец, а за ним — ещё один, и ещё, в вихре смеха, комплиментов и стремительно сменяющихся партнёров, каждый из которых, казалось, соревновался за право оказаться следующим в её карточке.

Элиза, разумеется, расцветала от внимания, как расцветала всегда — смеялась, отпускала острые ремарки, кружилась в вальсах с такой лёгкостью, будто была создана исключительно для того, чтобы её приглашали. Но краем глаза, между поворотами и поклонами, она то и дело замечала неподвижную фигуру у колонны — Кассиана, который так и не ушёл, хотя явно должен был.

Ближе к полуночи, когда музыканты объявили короткий перерыв, к ней подошёл ещё один — Эдриан Валеин, юный виконт с побережья, чьё семейство славилось не столько богатством, сколько безупречным вкусом. В руках у него была одна-единственная белая роза.

— Леди Ваннтерре, — произнёс он с почти торжественной серьёзностью, — позвольте выразить восхищение единственным доступным мне языком.

Он аккуратно прикрепил цветок к её причёске, у виска, и на мгновение его пальцы задержались чуть дольше, чем требовал этикет. Зал вокруг одобрительно зашептался — белая роза от Вaleyнов считалась знаком нешуточного интереса, и не заметить этого не мог никто.

Кроме, разве что, самой Элизы, которая в этот момент искала взглядом вовсе не Эдриана, а тёмный силуэт у колонны.

Кассиан наблюдал за этим — за розой, за шёпотом, за тем, как непринуждённо она принимает знаки внимания одного мужчины за другим, — и что-то внутри него медленно, неотвратно холодело совсем не той температурой, к которой он привык. Он всегда считал её вниманием, направленным исключительно на себя — назойливым, неизбежным, как погода. Ему никогда не приходило в голову, что оно может быть направлено куда-то ещё.

Что кто-то другой может протянуть руку — и она её примет.

Он и сам не заметил, как его челюсть сжалась, а пальцы на бокале с пуншем, который он так и не выпил, чуть похолодели настолько, что стекло начало покрываться инеем.

— Любуешься видом? — Ровена возникла рядом с ним столь тихо, что он вздрогнул — редкая для себя реакция. Она проследила за его взглядом, задержавшимся на белой розе в волосах подруги, и на её губах появилась понимающая, чуть насмешливая улыбка. — Или считаешь, сколько у неё сегодня кавалеров?

— Я не считаю, — отрезал Кассиан, слишком быстро для человека, которому действительно всё равно.

— Конечно, нет, — Ровена пожала плечами с деланным безразличием и, пригубив свой пунш, добавила, будто невзначай: — Хотя виконт Вaleyн весьма настойчив. Говорят, его семья уже присматривает невесту для наследника.

Стекло в руке Кассиана треснуло.

Он поставил бокал на ближайший поднос с преувеличенной аккуратностью, коротко кивнул Ровене и, не сказав больше ни слова, направился прочь из зала — но на этот раз не потому, что хотел уйти от Элизы, а потому, что впервые в жизни не был уверен, что сумеет сохранить лицо, если задержится ещё хоть на минуту.

## Глава 3

Утро понедельника вернуло Академию Ардвейл в привычное русло — если, конечно, привычным можно было назвать день, начавшийся с того, что Элиза столкнулась в коридоре со второкурсницей Джиной Мортон, чьё единственное преступление заключалось в том, что она случайно наступила на подол её платья.

— Ты хоть представляешь, сколько стоит эта ткань? — голос Элизы был обманчиво тихим, а в глазах уже плясали искры сдерживаемого огня. — Больше, чем вся твоя семья зарабатывает за год, полагаю.

— Простите, я не хотела...

— Не хотела, — Элиза взмахнула рукой, и крошечный язычок пламени лизнул край сумки девушки — ровно настолько, чтобы прожечь в ней аккуратную дыру, не более. Джина отшатнулась с испуганным вскриком, вокруг начали останавливаться студенты. — Считай, что это напоминание смотреть под ноги. В следующий раз я не буду столь снисходительна к твоим вещам. Или к тебе.

На занятии по прикладной алхимии всё было не лучше. Элиза, недовольная тем, что её сосед по парте — стипендиат из простой семьи по имени Тоби — случайно опрокинул часть её ингредиентов, демонстративно донесла профессору, что именно он якобы испортил её работу, хотя прекрасно знала, что это неправда. Юношу лишили баллов за семестр, а когда после занятия он попытался объясниться, Элиза лишь смерила его ледяным взглядом:

— Слово наследницы Ваннтерре против слова стипендиата. Даже не трать время на попытки — это унижительно для нас обоих.

А позже, в коридоре, она нарочно, у всех на глазах, разорвала письмо от матери первокурсницы Леи Хартвуд — то самое, что девушка читала вслух подруге, — заявив, что «переписка настолько сентиментальная и убогая оскорбляет её эстетическое чувство», и, глядя, как Лея в слезах собирает обрывки с пола, лишь пожала плечами:

— В следующий раз пиши письма поумнее, если не хочешь, чтобы их постигла та же участь.

— Ты сегодня в особенно скверном настроении, — заметила Ровена, когда они направлялись в академическое кафе на обед, её голос звучал непривычно резко. — То, что ты сделала с письмом Леи — это уже слишком, Элиза.

— Слишком — это когда кто-то смеет плакать из-за клочка бумаги на людях, где это видят все, — отозвалась Элиза, не замедляя шага. — Я оказала ей услугу, избавив от лишней сентиментальности.

— Ты сожгла чужую сумку сегодня утром. И разрушила карьеру Тоби из-за пролитого порошка.

— Мир жесток, Ровена. Лучше, если они узнают об этом от меня сейчас, чем от кого-то менее милосердного позже.

Кафе — уютное помещение с видом на внутренний сад Академии, где зачарованные фонтаны меняли цвет воды в такт времени суток, — было заполнено обычной обеденной толпой, когда Элиза заметила Кассиана за дальним столиком, погружённого в чтение какого-то трактата с таким сосредоточенным видом, будто от этого зависела его жизнь.

— О, смотри-ка, — она направилась прямо к нему, Ровена — следом с обречённым вздохом, — Снежная Статуя снизошла до совместной трапезы со смертными.

— Ваннтерре, — не поднимая глаз, отозвался Кассиан. — Не знал, что твой день начинается с чего-то, кроме терроризирования первокурсниц.

— Это называется воспитание характера. Тебе стоит как-нибудь попробовать — например, начать с собственного чувства юмора, раз уж оно у тебя, судя по всему, атрофировалось за ненужностью.

— У меня прекрасное чувство юмора. Просто оно не находит тебя забавной.

— Забавной? — она села напротив него без приглашения, закинув ногу на ногу. — Дреар, я очаровательна. Ты путаешь раздражение с очарованием — распространённая ошибка среди людей с недостаточным опытом общения с действительно выдающимися личностями.

— А ты путаешь моё терпение с интересом. Тоже распространённая ошибка — среди избалованных герцогинь.

Она рассмеялась — искренне, коротко, — прежде чем успела спохватиться, и на долю секунды его взгляд смягчился, прежде чем он снова спрятался за страницами трактата.

— Кстати, о терпении, — произнёс новый голос, и рядом с их столиком возник Эдриан Вaleyн, безупречный, как всегда, с той же располагающей улыбкой, что и на балу. — Леди Ваннтерре, я как раз собирался обедать в одиночестве, но, увидев вас, понял, что судьба благосклонна ко мне сегодня.

— Виконт Вaleyн, — Элиза одарила его одной из своих самых ослепительных улыбок, отчасти искренней, отчасти — Кассиан не мог этого не заметить — предназначенной именно ему. — Как своевременно. Составите мне компанию?

Эдриан опустил на свободный стул рядом с ней с той лёгкостью человека, привыкшего, что ему рады везде, куда бы он ни пришёл, и тут же завязал разговор о предстоящей осенней ярмарке зелий, о последних сплетнях с побережья, о чём-то ещё столь же лёгком и необязательном — но неизменно направленном на то, чтобы заставить Элизу смеяться.

Кассиан молча наблюдал за этим поверх страниц трактата, который давно перестал читать, с выражением лица настолько нейтральным, что оно само по себе выдавало, каких усилий ему это стоило.

— Дреар, ты в порядке? — невинно поинтересовалась Элиза, поймав его взгляд. — Ты выглядишь так, будто трактат тебя разочаровал.

— Трактат превосходен, — отрезал он, вставая из-за стола резче, чем намеревался. — Чего не скажешь о компании. Прошу прощения.

Он ушёл, оставив после себя лёгкий морозный след на краю стола — деталь, которую заметила только Ровена, слишком хорошо знавшая обоих, чтобы поверить в равнодушие.

Библиотека Академии в этот час была почти пуста — большинство студентов предпочитали проводить обеденный перерыв где угодно, только не среди пыльных полок и вечной тишины. Кассиан, впрочем, находил здесь то, чего не мог найти нигде больше — покой, не требующий от него ни остроумных ответов, ни ледяной маски.

Он как раз тянулся за томом по продвинутой теории стихийных барьеров, когда заметил девушку, стоявшую у соседнего стеллажа, разглядывающую полки с явным замешательством.

— Вы что-то ищете? — спросил он, не подумав, прежде чем успел остановить себя — обычно он не заговаривал с незнакомцами первым.

Девушка обернулась — невысокая, светловолосая, с мягкими чертами лица и большими карими глазами, в которых читалось скорее любопытство, чем расчёт. Форма новенькой сидела на ней чуть неловко, будто она ещё не привыкла к ней.

— Ищу книгу по основам целительной магии для начинающих, — она смущённо улыбнулась. — Но, кажется, я заблудилась среди этих полок больше, чем среди самой Академии.

— Целительная магия — третий стеллаж отсюда, — он указал направление, а затем, повинувшись странному порыву, добавил: — Я провожу, если хотите. Библиотека здесь построена

по принципу, понятному только тому, кто её проектировал — и, подозреваю, он давно умер, не оставив внятных объяснений.

Она рассмеялась — тихо, без всякого кокетства, просто потому что было забавно, — и последовала за ним между стеллажами.

— Я Мила, — представилась она, когда они нашли нужную полку. — Мила Эйвери. Первый день здесь, если вдруг не заметно по тому, как отчаянно я заблудилась.

— Кассиан Дреар, — он протянул ей нужный том, снятый с верхней полки без всякого усилия. — Не заметно. Хотя большинство студентов на твоём месте предпочли бы спросить портрет в холле — тот, что притворяется картиной, но на самом деле просто скучающий призрак бывшего библиотекаря.

— О, я его видела! Подумала, что мне показалось.

— Многим кажется. Он этим гордится.

Она снова засмеялась, устраиваясь за ближайшим столом с книгой, и Кассиан, вместо того чтобы, как обычно, вернуться к собственным делам, отчего-то задержался, опустившись на стул напротив.

Разговор завязался легко — на удивление легко для человека, привыкшего к тому, что общение требует усилий и бдительности. Мила рассказала, что поступила на целительский факультет по стипендии, что до Академии жила в маленькой деревне у побережья, где помогала местному травнику, что магия для неё — это в первую очередь способ помогать, а вовсе не власть или статус.

— А ты? — спросила она в какой-то момент, подперев подбородок рукой. — Чем ты занимаешься, когда не спасаешь потерянных первокурсниц в библиотеке?

— Обычно избегаю разговоров, — честно признался Кассиан, сам удивившись собственной откровенности. — Оказывается, не всегда успешно.

— Похоже, я особенный случай, — она улыбнулась без всякого намёка на то, что видела в этом что-то большее — просто дружелюбно, просто искренне.

И именно это — отсутствие всякого расчёта в её взгляде, полное отсутствие того голода, с которым на него обычно смотрели, будь то восхищение или охота, — заставило Кассиана почувствовать нечто, чего он не испытывал уже очень давно: облегчение. Ему не нужно было ничего доказывать, ни от чего защищаться, ни просчитывать, что стоит за следующей фразой собеседницы. Мила просто хотела поговорить — не получить что-то взамен.

Он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не смотрит на часы, ожидая, когда разговор закончится.

— Мне пора возвращаться на занятия, — сказала она наконец, неохотно поднимаясь и прижимая книгу к груди. — Но, может быть... если ты опять окажешься здесь в это же время...

— Окажусь, — ответил он прежде, чем успел обдумать это как следует.

Она улыбнулась — тепло, без всякой задней мысли — и направилась к выходу, а Кассиан остался за столом, глядя ей вслед с выражением, которое сам не смог бы толком объяснить, если бы кто-то спросил.

Впервые за долгое время лёд внутри него казался не защитой, а просто холодом — и, что удивительнее всего, ему не хотелось его сохранять.

## Глава 4

Следующая неделя незаметно превратилась в череду совпадений, которые, если бы кто-то спросил Кассиана напрямую, он бы отказался называть совпадениями хоть сколько-нибудь честно.

Началось с библиотеки — он снова оказался там в тот же час, что и накануне, убеждая себя, что просто закончил очередной трактат по теории барьеров и ему нужна новая литература. Мила уже сидела за тем же столом, обложенная учебниками по целительной магии, и, завидев его, просияла так, будто его появление было самой естественной вещью на свете.

— Ты пришёл, — она подвинула стул напротив себя, даже не спрашивая, останется ли он. — Я почти боялась, что вчера мне показалось.

— Мне тоже так показалось, — признался Кассиан, усаживаясь. — Но, видимо, у меня закончились трактаты по барьерам быстрее, чем я рассчитывал.

— Какое удачное совпадение, — в её глазах плясали смешинки, но без всякого намёка на кокетство — просто искренняя, тёплая ирония.

Они проговорили почти час — о том, как устроена целительная магия в сравнении со стихийной, о деревне у побережья, где выросла Мила, о её мечте когда-нибудь открыть лечебницу для тех, кто не может позволить себе дорогих целителей. Кассиан поймал себя на том, что рассказывает о вещах, которыми обычно не делился ни с кем — о давлении отцовского имени, о постоянном ощущении, что весь мир ждёт от него безупречности и холодного расчёта в каждом решении.

— Звучит одиноко, — тихо заметила Мила, без жалости в голосе, просто с пониманием.

— Я привык, — он пожал плечами, но что-то в том, как она это сказала, задело его глубже, чем он готов был признать.

На следующий день они снова столкнулись — на этот раз в теплице Академии, куда Мила пришла собирать травы для практического занятия, а Кассиан, как оказалось, часто заходил туда просто для тишины, среди зелени и влажного воздуха, напоминавших ему, по его собственным словам, «что не всё в этом мире состоит из льда и расчёта».

— Ты не сможешь мне отличить полынь горькую от полыни обыкновенной? — Мила протянула ему две почти неотличимые веточки с виноватой улыбкой. — Профессор Гринвуд сказал, что это «элементарно», но, кажется, я безнадежна в травологии.

— Ты не безнадежна, — он взял веточки, разглядывая их с преувеличенной серьёзностью. — Ты просто пока не знаешь, на что смотреть. Вот здесь, видишь — листья чуть более серебристые снизу...

Он показал ей, их пальцы на мгновение соприкоснулись над стеблем растения, и оба немного смутились — не от притяжения, а от неожиданной лёгкости момента, лишённого всякого напряжения, к которому Кассиан привык в общении с противоположным полом.

— Спасибо, — Мила забрала веточку, аккуратно откладывая её в корзину. — Знаешь, ты совсем не такой, каким тебя описывают.

— А каким меня описывают?

— Холодным. Непрístupным. Кем-то, кто смотрит на всех сверху вниз, — она склонила голову, изучая его с той же непринуждённостью, с которой изучала бы новое растение. — А ты просто... тихий. Это разные вещи.

Никто и никогда не делал для него подобной разницы прежде — не оправдывал его сдержанность, а просто принимал её как часть характера, не требуя ничего взамен.

К концу недели их встречи в библиотеке или теплице стали почти ежедневными — не по договорённости, а по какому-то негласному, обоюдному притяжению, которое оба, кажется, боялись назвать вслух. Они обсуждали книги, магическую теорию, забавные случаи из акаде-

мической жизни; Мила рассказывала истории о деревенских суевериях, заставлявшие Кассиана — редкость для него — по-настоящему смеяться, не просто усмехаться уголком губ.

— Знаешь, ты первая, кто заставляет меня забыть, который час, — признался он однажды вечером, когда библиотекарь уже начал многозначительно позвякивать связкой ключей, намекая на скорое закрытие.

— Это потому что я невыносимо болтливая, — рассмеялась Мила, собирая книги. — Мама всегда говорила, что я могу заговорить даже камень.

— Мне нравится, когда ты заговариваешь, — сказал он тихо, и, кажется, сам удивился собственной откровенности не меньше, чем она.

Элиза, разумеется, не могла не заметить перемен — Академия была слишком тесным местом, чтобы что-то долго оставалось в тайне, особенно когда речь шла о человеке, за которым она следила почти неосознанно, ловя каждое его движение боковым зрением на каждом совместном занятии.

Сначала это были обрывки разговоров — кто-то упомянул, что видел герцога Дреара смеющимся в библиотеке (немыслимо само по себе), потом кто-то другой рассказал, что он помогал новенькой стипендиатке с травологией в теплице, задержавшись там на добрый час.

— Смеющимся? — переспросила Элиза за завтраком, стараясь, чтобы голос прозвучал равнодушно, и не слишком в этом преуспев. — Дреар? В библиотеке?

— Так говорят, — Ровена намазывала джем на тост, старательно не глядя на подругу. — С той новенькой. Милой, кажется.

— Как трогательно, — процедила Элиза, хотя вилка в её руке сжалась чуть сильнее необходимого. — Полагаю, у неё какой-то особый талант смешить людей.

— Или, может, ей просто не нужно ничего доказывать, чтобы он захотел с ней разговаривать, — заметила Ровена, и в её голосе была не издёвка, а нечто более похожее на осторожную заботу — попытку сказать подруге правду до того, как та узнает её более болезненным способом.

Элиза промолчала, но остаток завтрака прошёл в напряжённой тишине, а после она отправилась на занятия с тем особым, ледяным спокойствием, которое Ровена за десять лет дружбы научилась распознавать как самое опасное её состояние — куда опаснее любой открытой вспышки гнева.

В коридоре ей на пути попался Тоби — тот самый стипендиат, чью карьеру она разрушила неделей ранее ложным обвинением, — и, не найдя иного повода, Элиза выместила на нём раздражение, которому не могла найти иного адресата:

— Всё ещё здесь? — бросила она, проходя мимо. — Удивительно, что тебя ещё не отчислили за некомпетентность. Или ты специально цепляешься за место, которое давно должно принадлежать кому-то более достойному?

Юноша, и без того подавленный после потери стипендиальных баллов, лишь опустил голову и поспешил прочь, а Элиза, глядя ему вслед, впервые за долгое время не почувствовала привычного удовлетворения от собственной жестокости — только смутное, неприятное ощущение, природу которого она отказывалась признавать даже самой себе.

## Глава 5

Всё началось с обеда в академической столовой — шумном, многолюдном зале, где длинные деревянные столы ломились от подносов с едой, а гул голосов сотен студентов сливался почти в осязаемую стену звука.

Элиза заметила их сразу, едва переступив порог — Кассиан и Мила сидели рядом за одним из столов, склонившись над каким-то учебником, и о чём-то тихо переговаривались, время от времени смеясь. Что-то в груди у Элизы сжалось привычным уже, знакомым узлом, и, не успев толком осознать собственные намерения, она направилась прямо к их столу, поднос в руках.

— Какая трогательная картина, — произнесла она, останавливаясь позади Милы. — Целительница и её персональный ледник. Прямо-таки достойно баллады.

Мила подняла глаза, вежливо, но настороженно улыбнувшись, а Кассиан лишь скрестил руки на груди с выражением человека, приготовившегося к очередной перепалке.

— Элиза, — произнёс он предупреждающе.

— Что, я даже пошутить не могу? — она пожала плечами с деланным безразличием, и в этот момент — то ли от неловкого движения, то ли от чего-то куда менее случайного — поднос в её руках накренился, и содержимое тарелки — соус, кусочки жаркого, что-то ещё непонятное — обрушилось Миле на колени и подол форменного платья.

Мила ахнула, вскакивая со скамьи, беспомощно оглядывая испачканную одежду, а за соседними столами тут же раздались смешки — сначала неуверенные, потом всё более откровенные, по мере того как история облитого платья разлеталась по залу быстрее, чем распространяется огонь по сухой траве.

— Ой, — Элиза прижала ладонь к губам с выражением наигранного ужаса, в котором не было ни капли раскаяния. — Какая я неловкая. Впрочем, — она окинула испачканное платье оценивающим взглядом, — оно теперь выглядит даже интереснее, чем прежде. Почти как настоящая форма, а не благотворительная подачка.

Смех вокруг стал громче, кто-то за соседним столом откровенно захохотал, и Мила, вспыхнув до корней волос, поспешно принялась промакивать платье салфеткой, не поднимая глаз, явно борясь со слезами унижения.

— Хватит, — голос Кассиана прозвучал тихо, но так, что смех вокруг мгновенно стих. Он поднялся, одним движением снял свой форменный сюртук и протянул его Миле, чтобы прикрыть испачканное платье, а затем повернулся к Элизе с выражением, от которого у неё внутри всё похолодело — не от гнева даже, а от чего-то более разрушительного. Разочарования. — Ты только что унизила человека, который не сделал тебе ничего плохого, перед половиной Академии. Ради чего? Ради того, чтобы почувствовать себя лучше на пять минут?

— Это была случайность...

— Прекрати, — оборвал он резко. — Прекрати лгать хотя бы себе, если не мне.

Он вывел Милу из зала, придерживая за плечи, что-то тихо говоря ей на ходу, а Элиза осталась стоять посреди столовой, под перекрёстными взглядами студентов, с пустым подносом в руках и странным, незнакомым ощущением где-то в груди — стыдом, который она отказывалась признавать таковым.

Три дня после этого Кассиан не разговаривал с ней вовсе — не отвечал на её обычные колкости, не задерживался взглядом дольше необходимого, проходил мимо с той демонстративной вежливой отстранённостью, которая ранила больше любого прямого оскорбления. Элиза убеждала себя, что ей всё равно, повторяла это как заклинание между занятиями, перед сном, глядя в зеркало — но пустота, поселившаяся где-то под рёбрами, никак не желала слушать доводы рассудка.

На четвёртый день она нашла его в одном из внутренних дворики Академии — безлюдном месте между библиотекой и восточным крылом, куда студенты заглядывали редко, предпочитая более людные тропы. Кассиан сидел на каменной скамье с книгой, но, судя по неподвижному взгляду, устремлённому в одну точку страницы, читал он её уже давно, не продвинувшись ни на строчку.

— Всё ещё дуешься? — она остановилась перед ним, скрестив руки на груди, хотя голос предательски дрогнул на последнем слове. — Как по-детски с твоей стороны.

Он поднял глаза — медленно, будто через силу — и в них не было привычной сдержанной иронии, только холод, куда более настоящий, чем тот, что он обычно демонстрировал напоказ.

— По-детски, — повторил он с горьким смешком. — Ты толкаешь ни в чём не повинную девушку в коридоре, потому что не можешь смириться с тем, что кто-то рядом со мной не пресмыкается перед тобой, и называешь по-детским моё нежелание с тобой разговаривать?

— Я уже сказала — это было случайно.

— Ты никогда ничего не делаешь случайно, Элиза. Это, пожалуй, единственное, в чём тебе нет равных — просчитывать каждое движение так, чтобы оно причиняло максимум боли при минимуме усилий.

Слова ударили точнее, чем он, вероятно, рассчитывал — она почувствовала, как что-то внутри неё сжалось, но вместо того, чтобы отступить, шагнула ближе, будто нападение было единственным известным ей способом защиты.

— А ты, значит, святой? — её голос дрожал от с трудом сдерживаемой ярости. — Стоишь тут с видом оскорблённой добродетели, а сам избегал меня, притворяясь, что не замечаешь, как я на тебя смотрю, только чтобы теперь читать мне морали о жестокости? Лицемер.

— Я не притворялся, — он тоже поднялся, книга упала на скамью забытой. — Я честно пытался не обращать на тебя внимания, потому что каждый раз, когда я это делаю, происходит именно то, что случилось три дня назад — кто-то невинный страдает от твоего эгоизма.

— Мой эгоизм? — она рассмеялась, коротко и зло, хотя в глазах уже блестело что-то подозрительно похожее на слёзы, которые она скорее умерла бы, чем позволила пролиться. — Ты хоть представляешь, каково это — годами смотреть, как ты отталкиваешь меня раз за разом, а потом видеть, как ты улыбаешься кому-то другому той улыбкой, которую я никогда не получала? Ты хоть на секунду задумывался, что я чувствую?

— Ты чувствуешь только то, что теряешь то, что считала своей собственностью! — его голос тоже повысился, впервые за всё время их знакомства утратив привычную ледяную ровность. — Я никогда не был твоим, Элиза! Я никогда не давал тебе повода думать, что...

— Тогда почему ты смотришь на меня так? — перебила она, шагнув почти вплотную, её голос сорвался на полушёпот, полный отчаянной, беззащитной злости. — Почему каждый раз, когда я рядом, твои глаза говорят совсем другое, чем твой рот? Почему ты держишь эту дистанцию с таким усилием, будто боишься, что если хоть на секунду её ослабишь...

— Замолчи, — его голос был уже не холодным, а низким, почти рычащим.

— Или что? — она вскинула подбородок, глаза её теперь блестели откровенно, вызывающе, огонь и боль сплетались в них так тесно, что было не разобрать, где заканчивается одно и начинается другое. — Что ты сделаешь, Дреар? Заморозишь меня? Заморозь — хуже, чем сейчас, уже не будет. Ты трус, прячущийся за своим льдом, потому что...

Договорить она не успела.

Его руки взметнулись быстрее, чем она успела среагировать, и сомкнулись на её плечах — не нежно, а с той силой, что граничила с болью, силой человека, окончательно потерявшего контроль. Он рывком притянул её к себе, и в следующее мгновение его губы накрыли её, обрывая слова на полуслове — грубо, требовательно, будто единственным способом заставить её замолчать было именно это.

Элиза замерла на долю секунды от неожиданности, а затем, вопреки собственной гордости, вопреки всему разумному, ответила на поцелуй с той же яростной жадностью, вцепившись пальцами в ткань его рубашки, будто боялась, что он исчезнет, если она его отпустит. Воздух между ними трещал от напряжения, что копилось неделями, годами — и в этом поцелуе не было ни капли нежности, только два человека, слишком долго притворявшиеся равнодушными друг к другу.

Кассиан отстранился так же резко, как и начал, тяжело дыша, с выражением настоящего ужаса в глазах — ужаса перед самим собой.

— Нет, — прошептал он, отступая на шаг, затем ещё на один, будто расстояние могло стереть то, что только что произошло. — Нет, этого не должно было...

— Кассиан... — она шагнула к нему, растерянная, всё ещё чувствуя вкус его губ, но он вскинул ладонь, останавливая её резким, почти отчаянным жестом.

— Не подходи, — его голос дрожал, ледяная броня осыпалась на глазах, обнажая что-то дикое и испуганное под ней. — Ни ко мне. Ни к Миле. Держись от нас обоих подальше, Элиза, потому что я не... — он замолчал, сжав челюсти. — Я не хочу тебя видеть и слышать!

Он развернулся и ушёл быстрым шагом, почти бегством, ни разу не оглянувшись, оставив её одну посреди дворика, с бешено колотящимся сердцем и губами, которые всё ещё горели от его прикосновения.

Элиза медленно опустилась на ту же каменную скамью, где мгновение назад стоял он, и, вопреки собственной воле, коснулась губ кончиками пальцев, будто пытаясь удержать это ощущение чуть дольше.

Впервые за долгое время она не знала, что за странное, головокружительное чувство поднимается в её груди — было ли это победой или поражением, она сказать не могла.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.